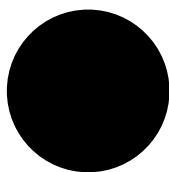

ШЕДЕВРЫ
В ОДНОМ
ТОМЕ

АННА
РАДКЛИФ

УДОЛЬФСКИЕ
ТАЙНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111.31
ББК 84(4Вел)-44
P15

Серия «Шедевры в одном томе»

Ann Radcliffe

THE MYSTERIES OF UDOLPHO

Перевод с английского *Т. Осиной*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Радклиф, Анна.

P15 Удольфские тайны : [роман] / Анна Радклиф ; [перевод с английского Т. Осиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 704 с. — (Шедевры в одном томе).

ISBN 978-5-17-133779-7

Внезапно осиротевшая Эмили Сен-Обер оказывается под опекой алчной тетушки и ее супруга — жестокого итальянского аристократа. Отныне домом Эмили становится таинственный замок Удольфо, чьи стены хранят истории о призраках, способные устроить даже самое храброе сердце. По ночам в замке разгуливают привидения, из пустующих покоев доносятся жуткие стоны, а в длинных темных коридорах подстерегают опасности...

Эмили, против воли заточенная в этом аду, тем не менее находит в себе силы противиться тирании опекунов — и шаг за шагом приближается к загадке тайн, которые хранит замок Удольфо.

УДК 821.111.31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133779-7

© Перевод. Т. Осина, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Дом, милый дом — святой приют
Любви, заботы и покоя.
Здесь дарят свет, здесь друга ждут,
Здесь обретают счастье двое.

Томсон Дж. Времена года

В 1584 году в провинции Гасконь, на живописном берегу Гаронны, возвышался замок месье Сен-Обера, из окон которого открывались пасторальные картины провинций Гиень и Гасконь: протянувшиеся вдоль реки пышные леса, виноградники и оливковые плантации. На юге простор окаймляли величественные Пиренеи, чьи вершины, лишенные растительности, просвечивали сквозь голубую воздушную дымку и то парили в облаках, принимая пугающие формы, то пропадали за облаками, а местами хмурились, сползая к подножию темными сосновыми лесами. Глубокие пропасти соседствовали с мягкими зелеными пастбищами, обрамленными кудрявыми рощами, где, спустившись с грозных вершин, глаз отдыхал на мирных стадах и простых хижинах. К северу и востоку терялись в туманной дымке провинции Гиень и Лангедок, а на западе Гасконь омывалась водами Бискайского залива.

Месье Сен-Обер любил бродить по берегу Гаронны вместе с женой и дочерью, вслушиваясь в витающую над рекой музыку волн. Он успел познать иной образ жизни, отличный от пасторальной простоты, и приобретенный печальный опыт изменил благоприятный образ человечества, который был создан юношеским воображением. И все же среди разнообразных впечатлений принципы его остались неизменными, а благожелательность не

охладела. Не столько в гневе, сколько в сожалении он удалился от светского общества к естественным радостям природы, чистым восторгам литературы и благородным добродетелям семейной жизни.

Наш герой принадлежал к младшей ветви знаменитого рода, а потому изначально считалось, что недостаток фамильного богатства следует восполнить или великолепным браком, или успехами в деловой сфере. Однако Сен-Обер был весьма неамбициозен и обладал слишком возвышенным чувством чести, чтобы соответствовать этим ожиданиям и ради приобретения богатства пожертвовать тем, что называл счастьем. После смерти отца он женился на милой женщине, равной ему по происхождению и благосостоянию. Жизнь на широкую ногу, а скорее экстравагантность месье Сен-Обера-старшего, до такой степени нарушила материальные обстоятельства семьи, что сыну пришлось расстаться с частью фамильных владений. Через несколько лет после свадьбы он продал главное поместье брату жены месье Кеснелю и удалился в маленькое имение в Гаскони, где посвятил себя супружеским радостям, родительским обязанностям, а также постижению наук и порывам вдохновения.

Счастливые озарения посещали его с детства. Еще мальчиком он часто им предавался, а восторг как от добродушных похвал седовласого крестьянина-слушателя, так и от его неизменных угощений, не потускнел со временем. Зеленые луга, где он бегал в порыве детской радости и свободы; леса, в чьей густой тени родилась та задумчивая меланхолия, которая потом стала важной чертой характера; уединенные горные тропы; дарившая блаженную прохладу река; казавшиеся бескрайними, словно детские надежды, широкие долины — все это Сен-Обер вспоминал с неизменной любовью и грустью, пока наконец не исполнил многолетнюю мечту и не удалился от мира, вернувшись в родные края.

В то время дом представлял собой всего лишь летний коттедж, вызывавший интерес стороннего наблюдателя простотой стиля и красотой окружающего пейзажа. Чтобы превратить его в удобное семейное жилище, потребовалось значительное дополнительное пространство. Сен-Обер с нежностью относился

к каждой сохранившейся с детства мелочи, не позволял передвинуть ни одного камня, а потому новое здание, построенное в стиле старого, слилось с ним в единое целое, образовав простой и элегантный замок. Мадам Сен-Обер проявила тонкий вкус в оформлении интерьера: мебель и отделка комнат отличались все той же простотой и отражали склонности ее обитателей.

Западное крыло замка занимала библиотека, содержавшая богатую коллекцию книг на древних и новых языках. Ее окна выходили на мягко спускающуюся к реке рощу, а высокие деревья погружали посетителей в меланхолическую задумчивость. В то же время на западе сквозь раскидистые ветви открывался веселый пейзаж, ограниченный вершинами и пропастями Пиренеев. К библиотеке примыкала оранжерея, полная прекрасных редких растений, ибо одним из увлечений месье Сен-Обера была ботаника. Нередко он проводил целые дни в горах, охотясь за невиданными экземплярами. Иногда в походах участвовала мадам Сен-Обер, но куда чаще компанию отцу составляла дочь. С плетеной корзинкой для растений и еще одной, с холодными закусками, которых нельзя было найти в хижине пастуха, не уставая восхищаться могуществом природы, они зачарованно бродили среди величественных романтических пейзажей. А устав пробираться среди голых скал, где оставляли следы лишь горные серны, находили уютный зеленый уголок у подножия и под сенью раскидистого кедра наслаждались отдыхом, простой едой, чистой вкусной водой из прохладного ручья и ароматом окружающих камни диких цветов и трав.

С восточной стороны оранжереи, окнами на провинцию Лангедок, располагалась комната, которую Эмили называла своей. Там хранились ее книги, рисунки, музыкальные инструменты, росли ее любимые растения и даже жили любимые птицы. Здесь она занималась милыми сердцу изящными искусствами, в постижении которых благодаря природному дару и мудрому наставничеству отца и матери рано достигла успеха. Окна этой комнаты, доходившие до самого пола, выглядели особенно изысканно: из них открывался вид на окружавшую дом лужайку. Сквозь рощи миндаля, вербы, белого ясеня и мирта взгляд скользил к далекому пейзажу, где несла свои воды великолепная Гаронна.

По вечерам, завершив работу, на берегу реки часто плясали крестьяне. Веселые мелодии, бойкие прыжки и причудливые фигуры их плясок в сочетании с простыми, но оригинальными нарядами девушек придавали картине неповторимый французский колорит.

В передней части замка, обращенной на юг, на горную цепь, по обе стороны оформленного в сельском стиле холла располагались две элегантные гостиные. Второй и последний этаж занимали спальни за исключением единственной просторной комнаты с балконом, где обычно завтракали.

Сен-Обер с большим вкусом обустроил окружающее дом пространство, однако любовь к воспоминаниям детства оказалась столь властной, что в некоторых случаях вкус уступил чувству. Так, сохранились две старые лиственницы, затенявшие замок и закрывавшие перспективу. Признаваясь в собственной сентиментальности, Сен-Обер каждую осень со слезами наблюдал, как деревья сбрасывают листья, и в компанию к лиственницам посадил небольшую рощу из буков, сосен и рябин. На высоком берегу реки были обустроены плантации апельсиновых, лимонных и финиковых деревьев, по вечерам наполнявших воздух волшебным ароматом. Здесь же встречались и деревья других видов. Жаркими летними днями Сен-Обер любил сидеть с женой и детьми в щедрой тени могучего платана, сквозь листву наблюдая за движением солнца до тех пор, пока разноцветные сумеречные тени не сливались в сплошную темно-серую массу. Здесь же он любил читать и беседовать с мадам Сен-Обер или играть с детьми, невольно поддаваясь обаянию теплых чувств, неизменно сопутствующих простоте и природе. Со слезами радости он нередко признавался, что такие минуты приносят значительно больше счастья, чем время, проведенное среди мирского блеска и шума. Сердце его было занято и, как редко случается, не стремилось к счастью большему, чем то, которое уже познало. Сознание правильной жизни придавало манерам Сен-Обера спокойствие, для человека его моральных устоев иным путем не достижимое и побуждающее ценить окружающее блаженство.

Даже глубокие сумерки не могли выманить Сен-Обера из-под милого сердцу платана. Он любил тот мирный час, когда

гасли последние солнечные лучи, когда звезды одна за другой возникали в эфире и, мерцая, отражались в темном зеркале воды. Тот единственный час, который наполняет сознание задумчивой нежностью и часто склоняет к утонченному размышлению. И даже тогда, когда сквозь листву начинал пробиваться свет луны, он оставался под деревом, куда ему приносили незамысловатый ужин из фруктов и сливок. А вскоре в ночной тиши возникала, пробуждая меланхолию, сладкая соловьиная песня.

Впервые счастье уединенной жизни было омрачено смертью двух сыновей. Они покинули мир в том возрасте, когда детская простота особенно очаровательна. Оберегая чувства жены, Сен-Обер скрывал собственные страдания, стараясь воспринимать их философски, однако никакая философия не могла примирить его с тяжелой утратой. Теперь в семье осталась одна дочь. С тревожной нежностью наблюдая за развитием детского характера, Сен-Обер неустанно стремился противодействовать тем чертам, которые впоследствии могли помешать ее счастью. С ранних лет девочка отличалась душевным теплом и доброжелательностью, но наряду с этим ярко проявлялась и чрезмерная впечатлительность, которая с годами придала налет грусти ее восприятию мира и мягкость манерам, подчеркнув особую грацию и красоту. Однако Сен-Обер, обладавший достаточной долей здравого смысла и проницательностью, считал эти качества слишком опасными для дочери, чтобы видеть в них благословение. Именно поэтому отец упорно развивал ум девушки, воспитывал привычку к самообладанию, учил сдерживать порывы чувств и хладнокровно воспринимать разочарования, которые порой собственноручно воздвигал на ее пути. Обучая дочь противостоять первым впечатлениям и полагаться на достоинства ума, способные уравновесить страсти и тем самым вознести над обстоятельствами, Сен-Обер одновременно и сам получал уроки выдержки, с искусственным безразличием наблюдая страдания и слезы дочери.

Внешностью Эмили напоминала матушку, унаследовав от нее стройную фигуру, тонкие черты лица и исполненные нежной свежести голубые глаза. Однако при всей внешней прелести особое обаяние ее облику придавало выражение лица, живо реагиравшие на любые, возникавшие в процессе разговора чувства:

Те нежные черты, что избегают взглядов
Коварного мирского любопытства.

С неутомимой тщательностью местье Сен-Обер развивал познания дочери, преподавая общие принципы естественных наук, но особое внимание уделяя всевозможным видам изящной словесности; обучал латыни и английскому языку, чтобы дочь могла постигать все тонкости лучших поэтических произведений. Уже в раннем детстве Эмили проявила склонность к прекрасному, и отец всеми силами старался доставить дочке невинное счастье. Он любил повторять, что развитый ум — лучшая защита от безрассудства и порока. Праздный ум постоянно ищет забав и ради избавления от скуки готов погрузиться в пучину греха. Но наполните этот ум идеями, научите его мыслить — и искушения внешнего мира будут уравновешены удовольствиями мира внутреннего. Умственная деятельность и образование в равной степени необходимы как в сельской, так и в городской жизни. Во-первых, они предотвращают неприятное ощущение безделья и доставляют радость интересом к прекрасному и возвышенному, а во-вторых, превращают развлечения из досужей необходимости в желанный отдых.

Эмили с детства любила бродить на лоне природы, но не столько по уютным живописным окрестностям, сколько по диким лесным тропам у подножия гор и еще больше — вдоль грандиозных ущелий, где тишина и величие вселяли священный ужас и направляли помыслы к Богу Небесному и Земному. В меланхоличном очаровании она часто замирала до тех пор, пока последний солнечный луч не касался горизонта, а вечерняя тишина нарушалась лишь одиноким звуком овечьего колокольчика и далеким лаем сторожевой собаки. В такие минуты лесной мрак, трепет листьев при легком дуновении ветерка, бесшумный полет летучей мыши и мерцающий свет хижин пробуждали в ней поэтическое вдохновение.

Любимый маршрут вел к принадлежавшей Сен-Оберу маленькой рыбацкой хижине, которая стояла в узкой лесистой долине, на берегу быстрой речки, сбегавшей с Пиренеев и, с шу-

мом миновав каменистый участок, тихо несшей свои воды под кронами высоких деревьев. Над всем миром здесь царствовали горы, притягивавшие взгляд даже сквозь густые заросли. То тут, то там выделялась изрезанная бурями скала, увенчанная стойкими кустами, или пастушья хижина, уютившаяся под сенью кипариса или раскидистого ясеня. Возникнув из глубины лесов, неожиданно открывался простор, где покрывавшие склоны Гаскони тучные пастбища и пышные виноградники постепенно переходили в долины, и там, на извилистых берегах Гаронны, радовали глаз гармонией далекие рощи, деревни или виллы.

Сен-Обер тоже любил приходить сюда жарким днем вместе с женой, дочерью и книгами или в безмятежный вечерний час, чтобы встретить молчаливые сумерки и услышать трели соловья. Иногда он приносил с собой гобой и пробуждал волшебное эхо прекрасными мелодиями, а порой округу оживлял нежный голос дочери.

Однажды на стене хижины Эмили обнаружила начертанное карандашом стихотворение:

СОНЕТ

Лети, сонет! Покорен воле дум,
Скажи Богине этих нежных строк,
Когда пройдет она легко, словно цветок,
Что к ней одной с тоской стремится ум.

О! Нарисуй лицо, прекрасные глаза,
Задумчивость улыбки, стройность стана:
Что воспевать готов я неустанно,
Хотя мешает горькая слеза.

Слова раскроют смысл сердечных мук,
Но ах! Не верь отчаянным признаньям:
Как часто пылкие стенанья —
Пустого эха гулкий звук!

Но разве тот, кому свет чувства дан,
Поверит в горестный обман?

Поэтические строки не адресовались никому конкретно, поэтому Эмили не могла принять их на свой адрес, хотя, несомненно, обладала правом считаться нимфой этих мест. Мысленно осмотрев тесный круг знакомых дам и не увидев ни в одной из них героиню сонета, она осталась в недоумении. Для особы праздного ума такое недоумение, возможно, оказалось бы болезненным, но Эмили не имела привычки предаваться долгим раздумьям по пустякам и превращать незначительный случай в важное событие. Небольшая доля тщеславия скоро испарилась, а само происшествие улетучилось из памяти, вытесненное книгами, учебой и исполнением ежедневных благотворительных обязанностей.

Вскоре, вызвав серьезную тревогу, заболел отец. Лихорадка оказалась неопасной, однако неблагоприятно подействовала на его организм. Жена и дочь неустанно ухаживали за больным, но выздоровление наступало медленно. Когда же наконец месье Сен-Обер пошел на поправку, начала слабеть мадам.

Едва обретя силы выйти из дома, Сен-Обер отправился в любимую рыбацкую хижину, распорядившись заранее отнести туда корзинку с едой, книги и лютию для Эмили. Удочка не требовалась, поскольку он никогда не рыбачил, не находя удовольствия в истязании живых существ.

После занятий ботаникой был подан обед, особую прелесть которому придавала возможность вновь посетить живописное место и ощутить семейное счастье. Месье Сен-Обер беседовал с обычной живостью: после тяжелой болезни и тесноты душевной комнаты все вокруг доставляло ему радость, которая не поддается пониманию здорового человека. Зеленые леса и пастбища, цветущие луга, ароматный воздух, журчание прозрачного ручья и даже жужжание насекомых оживляло его душу и наделяло существование блаженством.

Воодушевленная выздоровлением и жизнерадостностью мужа, мадам Сен-Обер уже не ощущала собственной слабости. Она бодро шагала по романтической долине, разговаривала с ним и с дочерью и с нежностью смотрела на обоих полными слез глазами. Заметив сентиментальное настроение супруги, Сен-Обер обратился к ней с нежной укоризной, однако мадам лишь

улыбнулась, крепко сжала ладони спутников и заплакала, уже не сдерживаясь. Муж с болезненной остротой ощутил значение момента. Сразу став серьезным, он тайно вздохнул и подумал: «Возможно, когда-нибудь я вспомню эту сцену с безнадежным сожалением. Но не стоит злоупотреблять дурным предчувствием; хочется верить, что я не доживу до потери тех, кто дорог мне больше жизни».

Пребывая в меланхолическом настроении, Сен-Обер попросил Эмили принести лютню и порадовать их искусной игрой. Однако, подойдя к рыбацкой хижине, она с удивлением услышала, как кто-то с глубоким чувством исполняет грустную выразительную мелодию. Эмили слушала в полном молчании, застыв на месте, чтобы ни единым движением не нарушить покой исполнителя и не помешать плавному течению музыкальной фразы. Вокруг стояла тишина, никого не было видно. Эмили слушала до тех пор, пока удивление и восторг не сменились робостью. Вспомнив о начертанном на стене сонете, она не знала, как следует поступить: переступить порог или незаметно удалиться.

Пока она раздумывала, музыка стихла. Собравшись с духом, Эмили вошла в хижину и обнаружила ее пустой! Лютня лежала на столе, в комнате царил порядок, и она начала думать, что слышала звуки другого инструмента, пока не вспомнила, что, уходя из хижины вместе с родителями, оставила лютню на подоконнике. Сама не зная почему, Эмили встревожилась. Меланхолия сумерек и глубокая тишина, нарушаемая лишь легким шелестом листьев, обострили игру воображения. Эмили захотела немедленно уйти, однако внезапно обессилела и присела отдохнуть. Пытаясь собраться с духом, она неожиданно заметила стихи на стене и вздрогнула, словно встретила незнакомца, но поборола тревогу и подошла к окну. Теперь стало очевидно, что к прошлым строкам добавились новые, где фигурировало ее имя.

И хотя больше не приходилось гадать, кому посвящены стихи, оставалось неясным, кто их написал. Размышляя, Эмили услышала на улице шаги и, в испуге схватив лютню, поспешила прочь. Родителей она нашла на выющейся по краю долины тропинке.

Поднявшись на затененную высокими деревьями зеленую вершину, все трое устроились на траве. Пока мадам и месье

Сен-Обер наслаждались живописным видом бескрайней долины Гаскони и вдыхали сладкий аромат цветов и трав, Эмили со свойственной ей деликатностью спела несколько их любимых арий.

Музыка и беседа задержали семью в этом благословенном месте до захода солнца, когда паруса на Гаронне превратились в тени, а все вокруг погрузилось во мрак — печальный, однако приятный. Только тогда Сен-Обер, его жена и дочь с сожалением покинули чудесный уголок. Увы! Мадам Сен-Обер знала, что покидает любимое место навсегда.

Подойдя к рыбацкой хижине, она не обнаружила на руке браслета и вспомнила, что после обеда, отправляясь на прогулку, сняла его и положила на стол. Однако после долгих поисков, в которых Эмили приняла самое активное участие, пришлось смириться с потерей. Ценность браслету придавал миниатюрный портрет дочери, написанный всего несколько месяцев назад и отличавшийся поразительным сходством. Убедившись, что браслет действительно исчез, Эмили покраснела и задумалась. Звуки лютни и новые строки на стене свидетельствовали, что в хижине кто-то побывал. Скорее всего музыкант, поэт и вор были одним лицом. И хотя звучавшая музыка, стихотворные строки и исчезнувший браслет могли быть простым стечением обстоятельств, Эмили вовсе не собиралась сообщать об этом родителям, твердо решив больше никогда не приходить в хижину без отца или матушки.

Семья вернулась домой в задумчивости. Эмили вспоминала недавние события. Месье Сен-Обер размышлял о дарованном ему счастье. Мадам сожалела и недоумевала по поводу исчезновения милого сердцу портрета дочери. Возле замка царило необычное оживление: раздавались голоса, между деревьями металась слуги, — и, наконец, появился экипаж. Подойдя ближе, хозяева увидели на лужайке ландо и взмыленных лошадей. Сен-Обер сразу узнал ливреи лакеев шурина, а в гостиной обнаружил месье и мадам Кеснель. Несколько дней назад они выехали из Парижа, а теперь направлялись в свое поместье Эпурвиль всего в десяти милях от Ла-Валле, которое месье Кеснель в свое время купил у месье Сен-Обера. Этот господин доводился мадам Сен-Обер единственным братом, однако семейные связи не

подкреплялись родством характеров, а потому общение оставалось редким. Месье Кеснель вращался в высшем обществе, видя смысл жизни в достижении влияния и роскоши. Знание людей и хитрость позволили ему достичь поставленных целей. Неудивительно, что человек подобных взглядов не ценил достоинств месье Сен-Обера, считая простоту и умеренность во всем проявлением слабого интеллекта и ограниченного мировоззрения. Замужество сестры унижало его достоинство: Кеснель полагал, что брачный союз столь близкой родственницы должен служить достижению желанного положения в обществе, тем более что некоторые из отвергнутых ею женихов вполне соответствовали подобному требованию. Однако, узнав Сен-Обера, сестра вообразила, что счастье и богатство не одно и то же, и без сомнения пренебрегла вторым ради достижения первого. Трудно сказать, считал ли эти понятия идентичными сам месье Кеснель, однако с готовностью пожертвовал бы желанием сестры ради достижения собственных амбиций, а после свадьбы не постеснялся выразить сестре свое презрение относительно ее выбора. Мадам Сен-Обер скрыла оскорбление от мужа, но впервые в ее сердце вспыхнуло негодование. Хотя самоуважение и соображения благоразумия сдержали ее от выражения своих чувств, впоследствии в ее обращении с братом неизменно присутствовала холодность, которую тот и чувствовал, и понимал.

В собственном браке месье Кеснель не последовал примеру сестры. Его супругой стала богатая итальянка, особа тщеславная и ветреная.

Месье и мадам Кеснель решили переночевать в замке Сен-Оберов, а поскольку места для слуг не хватило, их отправили на постой в соседнюю деревню. Покончив с приветствиями и размещением, месье Кеснель приступил к демонстрации своего ума и блестящего положения в обществе. Давно отойдя от дел, Сен-Обер слушал чванливые рассуждения шурина с терпеливым вниманием, принятым гостем за униженное изумление. И действительно, ведь он в мельчайших подробностях описывал праздника при дворе Генриха III, правда не забывая при этом немного прихвастнуть. Однако, когда месье Кеснель перешел к рассказу о личности герцога Жуайеза, о секретном договоре, который тот